

Iris Wildthyme
and the
Celestial Omnibus

Edited by
Paul Magis and
Stuart Douglas

June Hudson

Айрис Уайлдтайм И Небесный Омнибус

Под редакцией Пола Марса и Стюарта Дагласа

Iris Wildthyme
and the Celestial Omnibus

Edited by Paul Magrs
and Stuart Douglas

Введение

Кэйти Мэннинг

Мисс Айрис Уалдтайм — транс-размерная авантюристка и мошенница — родилась в неординарной голове мистера Пола Марса. Это женщина неопределённого возраста и такой энергии, что ею можно было осветить Золотую Милю в Блэкпуле (а в некоторые дни даже Лас Вегас). Её ослепительность меркнет лишь изредка, в моменты разрывающей сердце тоски, подпитываемой избытком выпитого джина с тоником.

Самым ценным владением Айрис является её двухэтажный автобус №22 — фыркающий металлолом, который носится по пространству и времени, вызывая хаос и беспорядок во многих ничего не подозревающих галактиках, и всё это не без помощи печального, раздражительного Панды. Лапа об руку, они ссорятся и дерутся так, как это могут делать только настоящие друзья, борясь со злом и огорчая добро.

У нашей Айрис нет никаких тайно вынашиваемых планов. Какой вы её видите, такая она и есть. Но постепенно, по мере развития сюжетов, мы получаем возможность мельком заглянуть в её прошлое, что помогает нам понять скрытые глубины этой грозной, весёлой, ушлой, заботливой рок-н-рольщицы.

А я исполняю роль Айрис, персонажа, который грубо управляет другими живущими во мне личностями. Пол

Марс чудесно понимает женщин и они с Вилли Расселом и Аланом Беннетом умеют писать от женского лица. Добавьте к этому изрядную дозу готичной фантастики, немного Льюиса Кэрролла, и готово! И храни вас Господь!

В картишки с Уайлдтайм

Стив Лайонс

Перевод ssv310

Грохот распахнувшейся двери нарушил тишину, которая могла бы длиться вечно.

Вошедшие, только что бежавшие от смертельной опасности, резко остановились, и от них в неф древней церкви поползло облако пыли.

— Это оно, — прошептал Брендон, высокий и худой мужчина, поглаживая остатки своих седых волос. — Мы пришли на место. Вы чувствуете? Тут просто пахнет историей!

— Воняет, скорее. Кажется, плесенью, — сказала Айрис Уайлдтайм.

Вы же знаете, как она выглядит. Слева подмышкой она несла плюшевого мишку-панду. А у Брендона подмышкой была картина в резной раме.

— В старых церквях всегда есть что-то особенное, — выдохнул он, — своя атмосфера. И их уже много лет не делают такими, как эта.

Он нетерпеливо пошёл вперёд, любуясь треснутым линолеумом на полу, выдвижными сидениями, алтарём, покрытым выцветшей синей тканью, и старыми акустическими системами.

— Позвольте вам напомнить, — едко заметил мишка-панда, — что за нами по пятам гонится небольшой, но

хорошо вооружённый отряд наёмников. Из-за чего, собственно, меня и заткнули подмышку, как слишком жаркий свитер.

— Здесь они не будут стрелять, — уверенно сказал Брендон. — Это здание охраняется законом, это образец старого брутализма в архитектуре.

— Хорошо, — сказала Айрис, плюхаясь на скамью. — Тогда я могу немного отдышаться, пока вы будете нам рассказывать о том, что, чёрт возьми, происходит и что это за картина.

— А вы не знаете? — спросил Брендон. — Но... я думал, что вы разделяете мою веру. Когда вы спасли меня из засады на вокзале, я подумал...

Айрис беспечно махнула рукой:

— О, не пытайтесь анализировать мои поступки слишком глубоко. Иногда я просто поддаюсь романтике момента.

— Он украл картину. Надеюсь, *это* ты понимаешь? — сказал Панда. — Ты и твои безумные порывы, женщина, связали нас с преступником.

— Я не украл картину, — возразил Брендон. — Я просто... — он наморщил лицо, пытаясь подобрать подходящее слово. — Ладно, — сдался он, — я украл её. Но на самом деле я её спасал. Эта картина... — он положил её на колени Айрис. — Эта картина — карта к величайшему в мире секрету. К секрету, который многие бы предпочли скрыть навсегда.

— О боже. А вы в этом точно уверены? — Айрис посмотрела на него с глубоким сожалением.

Панда, долго извивавшийся у неё подмышкой, наконец, смог увидеть это полотно. Он театрально застонал и закатил глаза, изображая отвращение.

— Потому что мне кажется, — сказала Айрис, — что это просто изображение собак, которые играют в покер. Впрочем, картина неплохая, правда? По ней сразу понятно, что на ней изображено.

— Эту картину, — сказал Брендон, — нарисовали больше двухсот лет назад. Это один из немногих великих предметов искусства, переживших чистки.

— А впрочем, — сказала Айрис, сведя брови, — вы знаете, о чём-то она мне напоминает...

— Но попробуйте запустить в сети поиск по её названию, и вы ничего не найдёте. Вообще ничего!

— Проблема с моей памятью в том, что в последнее время не так-то просто понять, что о чём мне напоминает.

— Но изображение на экране всё равно ничего бы не дало, — продолжал Брендон. — И репродукция тоже, даже если бы мне удалось её раздобыть. Нет, для того, чтобы раскрыть полное, истинное значение «Друга в беде», мы должны смотреть не только на поверхность, но и под неё.

Он вынул похожее на фонарик пластмассовое устройство и осветил голубым светом на полотно.

— Вот видите? — сказал он. — На стене позади сенбернара: картина внутри картины. Что может более явно намекать на скрытый смысл?

Он изменил настройки, и свет стал более ярким, пронизывающим, он словно снимал верхний слой краски.

— Вот что Кассиус Кулидж нарисовал изначально, — объявил Брендон.

Теперь позади головы сенбернара было окно с белой рамой, за которым стоял невероятный двухэтажный красный автобус.

— Ах, чтоб его! — воскликнула Айрис, нащупала в своей сумочке бутылку водки и открутила крышку. — Чтоб его, чтоб его!

— Церковь окружена, мистер Брендон! — раздался снаружи мегафонный голос. — Вам и вашей шлюхе лучше немедленно выйти и отдать картину, иначе для вас всё может обернуться гораздо хуже.

— Я начинаю вспоминать, — вздохнула Айрис, — во всяком случае, частично. Всё на кону... и старина Касс, разумеется. Он рисовал иллюстрации для местной газеты, но сказал, что я его вдохновила попробовать себя в другом жанре. Ох, и задала же я ему трёпку, когда увидела, что он сделал — включил мой старый автобус в одну из своих картин.

— Вот всегда всё связано с тобой, да? — фыркнул Панда. — А как же я? Мне, значит, снова отведена роль быть собеседником в твоих разъяснительных диалогах, да? И выпусти меня уже из рук!

Айрис опустила плюшевого медведя на сидение рядом с собой.

— Вот чего я до сих пор не поняла, — сказала она Брендону, — так это почему *здесь*? Почему в старой церкви в Сканторпе?

Уилл Брендон вспомнил лекцию, которую он когда-то прочёл в зале, полном восторженных студентов. То есть, вообще-то там не было никаких студентов: Брендон-то на самом деле был торговец рыбой. И зала тоже не было. Эти детали он дорисовал сам, мысленно. А его единственной слушательницей была Тилли, его лучший друг, жившая с ним вместе.

— «Друг в беде» просто исполнена символизмом, — сказал он. — Надо лишь посмотреть на неё непредвзято. Посмотрите на серого бульдога на переднем плане картины, который передаёт под столом карту своему партнёру. Что ещё может символизировать этот пёс, если

не Великую Британию? А коричневый бульдог, который получает карту... хм, наверное, это тоже Великая Британия. Карта, разумеется — трефовый туз, который в гадании символизирует большую власть, благосостояние, войну... в общем, смотря у кого спросишь. Также, обратите внимание на то, что у висящего над ними абажура, ярко красный цвет которого притягивает наш взгляд, шесть сторон. Не может быть совпадением, что шестиугольный символ встречается так часто в наиважнейших мировых...

— Эй! — резко сказала Айрис. Она вскочила на ноги и поднесла палец Брендону под нос. — Хватит уже мечтать. Я же вопрос задала!

— Числа, — сказал Брендон. — «Друг в беде» полон цифр: час одиннадцать минут на часах, четыре туза, стоимость фишек на кону. Но всё равно чего-то не хватало, и сегодня я выяснил чего. Два-два — номер автобуса. Это ключ, который позволил мне раскусить шифр Кулиджа и определить систему координат.

— Бога ради, да зачем?! — вскрикнул Панда. — К чему это всё?

— Свидетельство, — сказал Брендон. — Свидетельство того, что нас посещали пришельцы.

— Если это всё, что тебе нужно, дорогуша, — сказала Айрис, — мог бы сразу так и сказать.

— Пришельцы с альтернативной Земли, — продолжал Брендон, — из другой версии Великой Британии. Я считаю, что двести лет назад они сговорились с нашим

правительством. Наша и их науки объединились, чтобы создать непобедимое оружие.

— И, разумеется, — сказал Панда, — идеальное место для сокрытия такого оружия находится тут, где никто не станет его искать.

— Козырь в рукаве, так сказать, — согласился Брендон, не замечая насмешливый тон медведя. — Теперь нам осталось лишь найти последнюю подсказку. Символ на стене, или на полу, или ещё что-нибудь. Быть может, трефовый крест, — он опустил на четвереньки и принялся искать.

— Эмм... послушайте, мистер Брендон, — сказала Айрис, неловко заламывая руки, — я не знаю, как сказать вам об этом, но...

— Вы спятили, — подсказал Панда. — Умом тронулись.

— Вы не обижайтесь, дорогуща, но эта ваша теория про пришельцев и цифры... ну, сами признайте, она немного... она как бы... она... ну, чушь это полнейшая. Нет, нет, не надо смотреть на меня такими глазами. Может быть, вы и правы, может в этой картине действительно послание о пришельцах. Просто мне кажется, что оно не настолько... не такое завуалированное, как вам кажется. Давайте, я попробую объяснить...

— А тем временем, — сказал Панда, — быть может, эти хорошо обученные убийцы, которые нас окружили, согласятся не убивать нас, если мы вернём этот

очаровательный предмет искусства его владельцу, как вы думаете?

До этого Брендон слушал всё с ошарашенным видом, но на этих словах его взгляд стал жёстким.

— Нет! Нет, вы ошибаетесь. Потому что тех людей, тех солдат, прислала не галерея. Они представляют гораздо более коварную силу, группу заговорщиков, которая ради сохранения своих секретов пойдёт на что угодно, включая убийство. Их ненависть к этой картине и к собакам Кулиджа так велика, что они называли себя... MIAOW!¹

— MIAOW? — ахнула Айрис. — Министерство Вмешательств и Онтологических Чудес? А они-то какое отношение к этому имеют? Разве что... о, нет...

Уже второй раз за этот вечер, со стуком распахнулась дверь. В этот раз это была другая дверь, поменьше (которая, как предположил Брендон, вела в помещение поменьше), и в эту дверь зашло несколько разномастных собак: все на задних лапах, все вооружённые.

Всего их было семь, а во главе шла чрезмерно стриженная серая пуделиха. Она шла надменно запрокинув голову и скривив губы в презрительной усмешке, а в нежной лапке сжимала изящный пистолет, похожий на фен. По бокам от неё шли два буль-мастиффа, державших в коротких лапах тяжёлые лазерные штурмовые ружья. Щёлкая зубами и пуская слюни, за ними шли такса, пара ищеек, и трёхцветная колли.

¹ По-английски «miaow» означает «мяу».

— Спасибо, Брендон, — твякнула пуделиха. — А теперь отдай эту картину мне.

Брендон испуганно вскрикнул:

— Тилли! Ты что тут делаешь? Как ты вышла из дома? Нет, нет, секундочку... Как это ты разговариваешь?

— Ну почему их всегда именно речь удивляет? — вздохнула Тилли. — Почему они не обращают внимание на противопоставленный большой палец?

И в этот момент появились новые персонажи — на этот раз это были люди, одетые в боевую униформу — которые влетели на верёвках, разбив окна.

Невысокий крепко сложенный мужчина с маленькими тёмными глазками и густыми усами приземлился рядом с Брендонем и приставил к его виску пистолет.

— Вас предупредили, мистер Брендон! — проревел он. — Меня зовут Линкольн, и меня наняло Министерство... — его голос замолк при виде Тилли и её антуража.

Он посмотрел на них, потом снова на Брендона, на Айрис, на каждого из троих своих товарищей, и снова на собак.

Собаки, все семь, навели своё оружие на голову Линкольна.

Пистолет выпал из его внезапно онемевших пальцев.

Позже, никто уже не мог вспомнить, кто выстрелил первый. Зато не было сомнения в том, кто положил конец этой короткой, но яростной стычке.

Брендон пытался это сделать. Он прокричал что-то об архитектуре и бросился на картину Кулиджа, закрывая её своим телом. Линкольн тоже кричал, приказывая своим людям отступить перед лицом явно превосходящей огневой мощи, но у них была такая паника, что они его не слышали.

— Нужно бежать отсюда! — кричал Панда, бегая под ногами. — Айрис, моя дорогая, где ты? Я тебя не вижу. У меня слишком короткие ноги. Возьми меня на руки, ради бога! Кто-нибудь, возьмите меня!

Всё прекратила Айрис, с непреклонной силой она внезапно встала между ними, решительно сверкая глазами.

— Эй, вы! — проревела она. — А ну прекратили ссориться!

Когда всё вокруг затихло, она сначала немного удивилась, а потом довольно улыбнулась.

— Ну вот, другое дело, — сказала она. — А теперь, хоть я и не любительница хвастать, но... Ты, солдатик! — она указала на Линкольна. — При первой же возможности свяжись со своим MIAOW. Скажи им, что пересёкся с Айрис Уайлдтайм, увидишь, как они всполошатся! А что касается вас... — она повернулась к Тилли и её своре. — На Собачьем Мире меня называют иначе. Там меня называют «Ка Фарак Квитри!»

Все собаки, к её радости, испуганно отступили от неё.

— «Надвигающееся похмелье»?² — ахнула такса.

У Айрис опустились плечи.

— Так вот, что это означает. Я надеялась, что это что-то более страшное.

Наёмники Линкольна вылезали из-за своих укрытий, отряхивались, прикладывали к ожогам пластырь, пытались придать приличный вид обгоревшим курткам и расплавленным пластинам бронежилетов. Собаки, в отличие от них, все были целы, за исключением одной из ищеек: её задела пуля, и теперь она выглядела слегка контуженной.

— Это всё не твоё дела, старуха, — прошипела Тилли.
— Это дела Собачьего Мира и Земли. Это вопрос чести!

— Ага, — сказала Айрис, — вот мы и добрались до сути дела. Секретная Служба, не так ли? А в этой картине есть что-то, что вы хотели бы скрыть.

— Я так и знал! — вскрикнул Брендон.

Все повернулись в его сторону, и он стоял, нервно переминаясь с ноги на ногу, крепко держа в руках обсуждаемую картину.

— Я и не рассчитывала, что кто-нибудь из гуманоидов сможет распознать предка одного из наших величайших государственных деятелей, — фыркнула Тилли, — но для

² В некоторых книгах «Доктор Кто» далеки называли Доктора «Ка Фарак Гатри», что по одной из версий означало «Надвигающаяся буря».

нас эта родословная очевидна. И то, что он делает на этой картине, является компрометацией его династии.

— Ой, вы что, о Гриффе? — засмеялась Айрис. — О бульдоге-шулере?

Буль-мастиффы ощетинились, и один из них прорычал:

— Вы оскорбили суженого самой Принцессы!

— Два года я провела на этой вонючей планете, — сказала Тилли. — Два года уничтожала все репродукции, все упоминания этой картины в ваших базах данных, выслеживала полотенца и салфетки, коробки для печенья, весь eВау перерыла, чтобы их все уничтожить.³

— Но оригинал хорошо охранялся, — рассудила Айрис, — а вы не хотели, что бы вас раскрыли? Похищение картины космическими собаками — вот шуму-то в новостях было бы! Слухи дошли бы и до вашей планеты, и эта картина внезапно привлекла бы к себе больше внимания, чем за предыдущие сто лет. Это был бы скандал!

— Брендон просто идеальный лох, — сказала Тилли. — Он верит во всё, что ему ни внушай. Я оставила у него в квартире несколько книг, шепнула ему на ухо пару слов, пока он спал, подбросила полотенце...

— Так это действительно была ты, — сказал Брендон. — Схватила меня за пижаму и трясла с криком «Да ради

³ Эта картина пользуется большим успехом у изготовителей сувениров.

бога, пойми уже намёки и укради чёртову картину, придурок!» А я думал, что мне это снится... Я... Мне много снилось о том, что я разговариваю с собаками.

— Значит, всё, что вам на самом деле нужно — забрать картину и уйти? — спросил Панда. — Что касается меня, то никаких возражений. Всего вам наилучшего.

— Увы, всё не так просто, — сказала Тилли. — Теперь вы нас видели — все, кто находится в этом здании — а это значит, что вы должны умереть.

— Что?! — воскликнул Линкольн. — Вы не можете этого сделать!

— Боюсь, что можем, — сказала Тилли. — Ваши люди оскорбили Собачий Мир. По нашим законам за это нужно заплатить. Я устанавливаю цену в семь жизней, и это дёшево. Охрана, можно стрелять. Вначале уничтожьте картину!

— Нет, нет, постойте! — вскрикнула Айрис. — Я сыграю на них! Я серьёзно, пожалуйста, выслушайте меня одну секундочку. Вы говорите, что претендуете на наши жизни. Что же, у меня есть что-то, нужное вашей Принцессе, что-то, о чём её семья мечтала много поколений.

— О, Айрис, дорогая! — вскрикнул Панда. — Не надо!

— Вам нечего мне предложить, — фыркнула Тилли. — У вас нет ничего, что могло быть мне нужным. Моя миссия на этой планете наконец-то подходит к концу.

«Друг в беде» исчезнет, все её копии пропали без следа, и никто этого даже не заметит. Скоро о ней забудут.

— И я уверена, что Принцесса будет просто в восторге от этого, — сказала Айрис, — пока не узнает о том, что вы могли бы добыть.

Она снова рылась в своей сумочке, и наконец радостно вскрикнула, вынимая оттуда колоду потрёпанных игральных карт.

— Я так и знала, что она где-то до сих пор валяется. Та самая колода, которой я играла с вашими праотцами в 1903 году. Только в этот раз мне и самой есть, что поставить на кон. Моё самое драгоценное владение, можно сказать. Мой автобус против семи жизней! Подумайте об этом, Тилли, подумайте о том, что это может для вас значить: всё время и пространство в ваших лапах.

На мгновение казалось, что пуделиха заинтересовалась. Но тут вмешался Брендон:

— И против картины!

Айрис разочарованно посмотрела на него, но Брендона было не остановить. Он не знал, откуда у него взялась храбрость шагнуть вперёд, впервые заговорить перед большой настоящей аудиторией, но храбрость была, и слова сами лились из его рта:

— Ладно, для вас она может и не представлять собой ничего особенного, но эта картина — часть моей истории. Она понятная, она смешная, она заставляет работать моё воображение, и её бы не стали копировать в таких количествах, если бы она не нравилась чертовски многим

людям. Мне она нравится. И если это не делает «Друга в беде» ценной, даже важной, если это не делает её искусством, то я даже знать не хочу, что такое искусство на самом деле.

Панда закрыл лицо обеими лапами. У Линкольна отвисла челюсть. Собаки рассердились. Но Айрис лишь широко улыбнулась, одобрительно кивнула Брендону, и снова повернулась к Тилли.

— Вы его слышали, — сказала она. — Я ставлю свой автобус против наших жизней и картины. Мне кажется, что это неплохая сделка. Что скажете?

В задней комнате церкви они нашли деревянный стол и расчистили место перед алтарём, чтобы было где его поставить. Без дополнительных приказов наёмники спрятали своё оружие, признавая себя пленниками. Тилли велела буль-мастифам стать на посту у главной и задней дверей, а сама вместе с остальными четырьмя собаками и Айрис уселась за стол.

— И все согласны, что это разумный, вполне осуществимый план, да? — спросил Панда.

— В прошлый раз он сработал, — пожала плечами Айрис. — Тогда некий генерал с Собачьего Мира спутался с шарлатаном в Нью-Джерси — ну, вы знаете, на что такие способны, не говоря уже об их «мелком шрифте». И мы начали играть в покер на три моста, небольшой пруд, и права на добычу ископаемых в Хобокене и Ньюарке.

— И вы выиграли в тот раз, — сказал Линкольн. —
Ведь выиграли же, да?

— Ну, не совсем выиграла. Скорее, мои противники смухлевали. Когда Касс увидел, что Грифф передаёт туза...

Слева от Айрис зарычала такса, она поняла намёк и не стала заканчивать фразу.

— Да вы не бойтесь, я чертовски хороша в картах, уж простите, что хвастаюсь.

Она откинулась на спинку сидения, допила водку, и облизала губы.

— Наши шансы будут лучше, — сказал Панда, — если ты хотя бы под стол не свалишься, алканавтка старая.

Айрис не столько тасовала карты, сколько тыкала ими друг в друга, попутно рассыпая половину по столу. Брендон был в ужасе. Это всё из-за него. Из-за него их жизни — если он правильно понял, жизни всех, кто живёт, жил, или будет жить — находятся в этих трясущихся руках.

А затем он заметил нечто странное.

На рубашках карт были красные и зелёные пятна различных оттенков, и по центру каждой из карт Брендон увидел буквы. И цифры. 6П, ДБ, 9Ч, 4Ч...

Карты Айрис были краплёные, причём так явно, так нагло, что это невозможно было не заметить. Брендон затаил дыхание, ожидая, что сейчас одна из собак заметит это. Заметив выражение его лица, Айрис весело ему подмигнула.

Тилли смотрела на картину, которая всё ещё была в руках у Брендона, и сокрушённо цокала языком.

— Люди! — сказала она. — Только вы могли создать такое, да ещё и сражаться за то, чтобы сохранить это. Клянусь, мне никогда не понять той привязанности, которую вы можете испытывать к таким банальным, грубым, преходящим предметам.

— Ну, что тут скажешь, — сказала Айрис, — вы на Собачьем Море никогда ведь в искусстве не разбирались. Наверное, это как-то связано с тем, что вы цвета не различаете.

Она начала сдавать карты.

Будущая легенда

Стюарт Даглас

Перевод ssv310 при содействии Mary SmithZ

Сейчас, когда всё уже позади, всё это безумное приключение кажется мне немного нереальным. Думаю, что в конечном итоге для меня всё закончилось довольно неплохо, а Айрис, пожалуй, заслуживает небольшой похвалы. Но вот что касается Дженни!.. В следующий раз, когда я её увижу, я ей всё выскажу, этой бестолковой... инспекторше дорожного движения.

Представь себе: я нахожусь в зубах почти неминуемой смерти, хотя при этом доблестно сохраняю самообладание и сочиняю несколько остроумных электронных писем, а Дженни тем временем сидит забросив ноги выше головы в своей квартирке в солнечном Дарлингтоне, попивает чашечку эспрессо, закусывает его шоколадкой, и даже и не думает заниматься моим спасением!

Уже после она заявила, что подумала, что я шучу. Но прошу тебя, Том: почитай эти электронные письма и скажи мне, что это не крики израненной души, пускай дерзкой и не сдающейся, но всё-таки ужасно нуждающейся в поддержке друзей, которых нет рядом.

От: panda@thebigredbus.uni⁴

Кому: jenny@miaow.gov⁵

Тема: Это не Дарлингтон, Томошка

Что же, Дженни, всё это пошло из рук вон плохо. Я, разумеется, не виню тебя в том, что я попал в эту передрагу — в конце концов, едва ли это из-за тебя чёртов почтальон не смог найти ваш сверхсекретный штаб (хотя я и считаю, что разместить эту чёртову контору под крытым рынком немножко смахивает на паранойю). Но я отвлёкся. Нервы, знаешь ли. Из-за них я становлюсь болтливым, как Айрис после джина, а ты из-за них... ну, мы оба знаем, что случается с тобой; вряд ли я единственный, кто был свидетелем твоих безумных спуртов в направлении туалета.

В общем... нет, я ни капельки тебя не виню. Я виню во всём Айрис, эту старую заспиртованную алкоголичку.

Это из-за неё, в конечном итоге, я вынужден был покинуть автобус. Это она не оставила мне иного выбора, кроме как ретироваться. Из-за неё моё продолжительное присутствие в автобусе стало более невозможным.

Это она назвала меня уценённым Паддингтоном!⁶

ПАДДИНГТОНОМ! Вымышленным медведем непревзойдённой глупости и прозорливости; недо-Винни-Пухом, который клянчит еду и ночлег, словно какой-то

⁴ «Панда из красного автобуса».

⁵ «Дженни из MIAOW».

⁶ Медведь Паддингтон — персонаж детских книг.

перуанский цыган. Она меня назвала хапугой, нищобродом и паразитом. Неблагодарным иждивенцем.

Сказала, что я почти как шотландец.

И всё из-за половины бутылки тоника! Да какой там половины, в лучшем случае трети! Которую я, к тому же, и не трогал, само собой разумеется.

Это было невыносимо. Ещё хуже, чем тогда, когда я назвал её клона-сына немножко невозможным. Она мне несколько месяцев потом это припоминала, когда он оказался разумным видео-роликом на YouTube. Можно подумать, что низкое качество изображения ни о чём не говорило!

Всё вышеизложенное объясняет, почему я выставил себя на продажу на eBay. В том смысле, что не мог же я просто сойти на следующей остановке, верно? С моими-то ножками!

Нет, я решил продать себя какому-нибудь жадному, но не лишённому вкуса коллекционеру на Земле, а затем добраться на попутках к тебе, в Дарлингтон.

На этапе планирования всё это казалось довольно просто, и я

От: panda@thebigredbus.uni

Кому: jenny@miaow.gov

Тема: В нашей памяти навсегда останется этот сушильный шкаф

О, чёрт возьми! Прости за предыдущее сообщение. Я нечаянно нажал «Отправить», и оно ушло раньше, чем я успел его закончить.

Мало того, что сигнал тут, в этом чёртовом шкафу, даже в лучшие моменты просто ужасный, так ещё и пальцев у меня нет, а кнопки на телефоне малюсенькие.

Но забудем об этом; храбрый духом, и всё такое. Вернёмся к более ранним событиям моей скорбной истории.

Если ты ещё не забыла, я решил продать себя через eBay во временное рабство, и мне было приятно, что мой лот пользовался успехом. «Превосходный коллекционный плюшевый Панда XX-го века. Раритет. Состояние: как новый». Правда, «как новый» — вообще-то, недобросовестная реклама, но это лишь отражает степень моей ярости.

Мой лот произвёл небольшой фурор, и торги закончились согревающей душу ставкой в двести фунтов и пятьдесят один пенс; на эти деньги я собирался взять такси, чтобы доехать до MIAOW (до штаба северо-восточного округа) из того уголка Земли, в который меня доставит почта.

И вот я купил одну из этих самозапечатывающихся коробок, прилепил к ней адрес (Кстати, ты не знаешь, где

находится Маунтвизел? Это далеко от тебя?), улёгся в неё и заснул, пока она неслась сквозь гиперпространство. Между нами говоря, я с нетерпением ждал этой поездки. Последнее время у нас с Айрис не всё было гладко, это был уже не первый случай, когда прозвучали резкие слова.

Мне кажется, что она скучает по Тому и ненавидит меня за то, что я не он. Айрис не Айрис, если рядом с ней не крутится какой-нибудь миловидный гей, с которым она может обсудить кожаные брюки, боа из перьев, и тому подобное. А я, будучи Пандой ручного изготовления, одетым лишь в свой безупречно причёсанный мех, ни в чём таком не разбираюсь.

Я готов признать, что в последнее время я был несколько раздражителен, но чего ещё можно было от меня ожидать при таком отношении?

К примеру, несколько недель назад нам удалось помешать старому грузовозу врезаться в доисторическую Землю и убить там всех динозавров (правда, Айрис лишь с семнадцатой попытки удалось вовремя забрать оттуда Тома). Так эта старая кляча забыла о том, что я был с ней, и я в итоге две недели проторчал в этом вонючем ржавом ведре.

Две недели, в течение которых самым интеллектуальным развлечением был полоумный повар, утверждавший, что ему известно, где находится одна из Атлантид и кто такой на самом деле некто по имени Бьянко, а ещё он предрекал, что однажды Том будет править страной гигантских скорпионов. Полный дурдом.

Тебе бы там тоже не понравилось — всего один рабочий туалет на пятьдесят хронически бухих членов экипажа. На стадионах в дни футбольных матчей туалеты и то меньше загружены.

Но я опять отвлёкся. Важно то, что в последнее время наша дружба с Айрис немного остыла.

А ещё более важно то, что я так и не добрался до Дарлингтона (это ты, конечно, уже и так знаешь), а оказался в этом месте. Которое, если я не сильно ошибаюсь, является дном сушильного шкафа, расположенного где-то далеко-далеко от Земли.

Том, я тогда и понятия не имел, насколько это далеко!
Впрочем, не буду тебя томить.

От: panda@thebigredbus.uni

Кому: trafficwardenjenny@yahoo.co.uk⁷

Тема: Следи за языком!

Я отправляю это письмо на твой домашний адрес, поскольку очень сомневаюсь, что машина, фильтрующая в МІАОУ твою почту, пропустит такое.

Ебать, ебать, ебать, ебать, ебатушки ебать! Я видел тех, кто держит меня в этом сраном чулане — это те грёбанные коты с Кисо-мира.

Блядь.

⁷ «Инспектор дорожного движения».

Ты когда-нибудь встречался с кисомирянами? Ужасные, ужасные существа, абсолютно безнравственные. А ещё они очень злобные и имеют склонность самым что ни есть нецивилизованным образом сбрасывать людей с высоких объектов.

Кстати, извини за нецензурную лексику. Как ты знаешь, я осуждаю вульгарность ради вульгарности (ах, если бы и Айрис была такая же), но я считаю, что в данном случае мой шок оправдывает этот всплеск. А ещё, я не знаю, заметил ли ты, но предложение с ругательствами можно легко превратить в хайку; вставляем «зима» между парой «ебать» — и готово.

От: panda@thebigredbus.uni

Кому: jenny@miaow.gov

Тема: На помощь!!!!!!!

Думаю, уже хватит мне быть спокойным и тактичным. Пора паниковать, орать и звать на помощь, как настоящий спутник.

Забери меня отсюда, Дженни! Или свяжись с Айрис и скажи ей, чтобы меня забрала она. Какова бы ни была причина того, что они меня похитили, я готов поспорить, что она не в том, чтобы сделать мою жизнь лучше.

Во-первых, они все говорят каким-то шифром. Я не могу разобрать ни единого их слова: сплошное шипение, клекот, словно лисы в курятнике.

Что же касается этого шкафа (правильнее будет называть его камерой, поскольку меня в нём удерживают

против моей воли, хотя я определённо вижу висящие надо мной пиджаки), эта камера весьма необычна.

Во-первых, в ней нет кровати, и мне приходится спать на куче старой зелёной резиновой фигни, которую я нашёл в углу. Просто жуть: чем бы раньше ни было то, что я превратил в постель Панды, оно имело руки, ноги, и даже нечто вроде рудиментарных пальцев! Я бы переживал о том, что сплю на коже побеждённого моими похитителями врага, если бы не тот факт, что эта резина толстая — сантиметров пять — и у того, что в ней когда-то ходило, отсутствовали колени. Так что, думаю, можно считать эту штуку карнавальным костюмом, если только к вам сквозь Flap⁸ в последнее время не свалилось существо с такой походкой, будто оно только что обкакалось.

Больше тут ничего нет, если не считать поцарапанного куска оргстекла. Ума не могу приложить, зачем он нужен. Но это явно не подушка. Я пробовал.

Скажи Айрис, что пока что я видел только двух кисок, и что с тех пор, как мы их видели в последний раз, они стали носить какие-то доспехи. Во всяком случае, у тех двух, которых я видел, были металлические пластины на спинах и передних лапах, а у одного серебристая пластина закрывала пол лица вместе с глазом.

⁸ В историях об Айрис Уайлдтайм Flap является примерным аналогом пространственно-временного разлома (рифта) в сериалах «Доктор Кто» и «Торчвуд».

*Ответь мне, Дженни! Я не уверен, что правильно настроил этот телефон для приёма сообщений, но вдруг...
И скажи Айрис, чтобы она поторопилась.*

Вообще-то, без неуместной скромности скажу, то мне нравится это последнее письмо. Его читаешь как небольшую повесть, очевидный ужас вступления является явной уловкой в свете того, как наш герой спокойно изучает своё окружение и собирает сведения о врагах.

Я, можно сказать, принял образ молодого Джимми Кэгни в конце «Ангелов с грязными лицами».

В общем, чтобы читать дальше, Том, тебе может понадобиться большая пачка салфеток. (Нет, не для этого, извращенец!) При чтении следующего письма у меня просто сердце разрывается от ничем не скрытых в нём эмоций и чувств.

От: panda@thebigredbus.uni

Кому: iris@thebigredbus.uni⁹

Тема: Джинн из джина

Хей-хо, Айрис! Небольшое письмо на тот случай, если ты не успеешь сюда вовремя, и моя набивка к твоему прибытию будет разбросана по всему чулану, а мои стеклянные глаза окончательно остекленеют.

Я хочу извиниться за то, что стырил у тебя остатки твоего тоника.

⁹ «Айрис из большого красного автобуса».

У меня нет никакого оправдания, за исключением того, что я налил себе щедрую порцию джина Bombay Sapphire, а единственный тоник под рукой был тот, на котором ты пурпурным фломастером написала «ПАНДА, НЕ ТРОЖЬ».

Я признаю, меня несколько расстроило то, что ты такая жадина, но это не может служить оправданием тому, что я не только допил остатки твоего джина, но ещё и использовал его для протирки своих монеток, которые я храню в особом карманчике (кстати, не помогло; надо будет в следующий раз попробовать поплевать). Я признаю, что это с моей стороны было проявлением откровенной мстительности низжайшего пошиба.

Короче говоря, тут всё довольно мрачно: коты разговаривают непонятной белибердой, время идёт, а ни тебя, ни автобуса не видать, и спасти меня некому. Вчера один из котов пришёл и забрал кусок оргстекла и резиновую хрень, а другой ткнул меня в живот какой-то иглой. Это напомнило мне о том случае, когда ты, Том и я пошли к специалисту по акупунктуре в Лоустофте, а он оказался кем-то с твоей планеты, вышедшим на пенсию и вдруг ставшим злым. Повезло, что у тебя тогда в сумочке нашлись зажигалка и фейерверки, правда?

Старые добрые времена, да? Старые добрые времена...

Пора заканчивать. Я вот-вот расплачусь, а ты же знаешь, как у меня из-за слёз мех слипается.

С любовью, Панда.

Готов поспорить, Том, что ты к этому моменту уже все глаза выплакал. Я так уж точно. Ты, конечно же, понимаешь, что когда я в конце написал, что вот-вот расплачусь, это была чистой воды бравада. На самом деле я к тому времени уже чуть ли не тонул в слезах.

Но не будем больше об этом. Дорогой храбрец Панда проявил необычайное мужество, несмотря на то, что всё, казалось, было уже потеряно.

Но нет, не будем больше об этом.

Кстати, а ты вообще помнишь этого Иглоукалывателя? Высокий такой, с бакенбардами. Играл на аккордеоне и много пердел. Айрис ещё угрожала, что взорвёт его, помнишь? Она сказала, что должна была его раньше раскусить, и, пожалуй, она была права — в конце концов, эта анаграмма была очень неправдоподобная. Но всё равно, та истерика, которую она закатила, была абсолютно ни к чему. Можно подумать, мы его убить хотели!

Кстати, о смерти.

От: panda@thebigredbus.uni

Кому: jenny@miaow.gov

Тема: Айрис мертва. Эти свинские киски как-то добрались до неё и убили.

И да (ты ведь всё равно спросишь), я знаю это точно. Двое из этих хвостатых мерзавцев пришли ко мне сегодня днём и сообщили мне об этом лично. Они, видимо, решили прекратить пользоваться своим шифром, потому что когда они вытащили меня из шкафа и толкали по грязному коридору, я понял каждое их слово. Но лучше бы я ничего этого не слышал.

— Ваша подруга мисс Уайлдтайм мертва, — сказал самый большой кот, черепахового окраса с металлическими лапами и спиной, сунув мне в руки завёрнутый в газету длинный тонкий предмет. — Это подтверждение, — сказал он.

Пока я разворачивал бумагу, они оба отошли от меня, явно опасаясь того, что в приступе ярости я обезглавлю их одним ударом.

В бумаге была завёрнута ручка переключения скоростей из Автобуса. Она была поцарапана немного сильнее, чем когда я её видел в последний раз, и она явно была выломана из своего места, что было не удивительно. Это точно была та самая ручка, и мы с тобой оба понимаем, что пока у Айрис были хоть какие-то силы, она бы ни за что не позволила бы кому-нибудь ломать свой Автобус.

Айрис мертва.

Оба кота не сводили с меня глаз, ожидая мою реакцию. Моей самой первой мыслью было броситься на них и исступлённо молотить их левой и правой, пока они меня не одолеют за счёт огромного численного преимущества. Чтобы кто-то потом обнаружил моё разбитое тело в окружении тел врагов и понял, как умирают настоящие панды.

Прости, Том, в этом месте я до сих пор всхлипываю. Это был очень трогательный образ, не находишь? Не совсем, конечно, в моём духе, но это лишь показывает, как сильно нас потрясает утрата близкого. Хотя я и растрачиваю свои таланты, будучи всего лишь её спутником, мне, пожалуй, стоит быть ещё и её летописцем. Было бы приятно, если бы о наших приключениях говорилось талантливо и со вкусом.

К счастью, я вовремя взял себя в руки и понял, что было неразумно атаковать этих амбалов, вооружившись лишь металлическим стержнем с набалдашником.

И я просто стоял несколько минут, вертя в лапах эту ручку, вспоминая лучшие дни. Представлял себе Айрис, которая под проливным дождём вела автобус из фестиваля в Ридинге, стряхивая пепел с сигареты за окно, из-за чего половина лица у неё была забрызгана дождём. Вспомнил, как она развозила пассажиров по Лондону во время авианалёта, пока какой-то хмырь в шляпе-котелке не назвал её «моя добрая женщина» и не сказал, что

Автобус грязный. Даже то, как она когда-то надралась на одной из вечеринок Тони Хэнкока и попыталась задавить Кенни Вильямса.

В конце концов я сверкнул на них взглядом, чтобы они поняли, что однажды настанет час расплаты.

(Боже, да у меня просто талант, скажи?)

В ответ на мой безмолвный приговор они отобрали у меня ручку переключения скоростей и вытолкали меня в бесконечный серый коридор.

Эти кровожадные животные пинали и толкали меня вперёд, казалось, целую вечность. Они не обращали внимания на то, что у меня короткие ноги, и мои стезжки неоднократно цеплялись за их острые металлические когти, позади меня оставался тонкий след из моей драгоценной набивки, вываливавшейся сквозь разрезы. В тот момент я начал отчаиваться, Дженни; в мыслях о своём несчастье и об утрате Айрис я снова заплакал, при этом какая-то часть меня заметила, что коридор заканчивается, и мы подходим к металлической двери.

Это было примерно двадцать минут назад, и с тех пор мы стоим, как идиоты, перед этой дверью и ждём, пока она откроется. Отправляю тебе пока что это сообщение, а если что-то случится, то напишу ещё.

Что же мне теперь делать без Айрис, Дженни?

Интересный факт, Том. Лишь в моменты величайшего отчаяния мы способны по достоинству оценить добрые вести. Поэтому, когда один из котов подошёл ко мне

(минуту спустя после отправления последнего письма Дженни) и выхватил мой телефон из потайного места на дне моего рюкзака, мой дух пал так низко, что мне казалось, что дальше уже некуда. И когда этот же кот прошипел мне на ухо: «А теперь мы это заберём. Уверен, что ваша подруга мисс Уайлдтайм уже должна была получить ваши сообщения. Она уже отправилась вас спасать», я не сразу понял весь смысл этой фразы. А поняв, я так радостно вскрикнул, что мне даже немного стыдно стало.

— Айрис жива! — крикнул я. — Вы её не убили!

— Нет, — сказал кот с самодовольством, которое делает кисомирян такими непривлекательными. — *Ещё* нет.

До меня вдруг дошло, что хотя Айрис и была жива, с ней всё равно, должно быть, случилось что-то ужасное. Как ещё можно объяснить ручку скоростей, вне всякого сомнения выломанную из Автобуса? Я хотел спросить об этом у моих похитителей, но больший из них сильным толчком открыл большую металлическую дверь, а второй протолкнул меня в неё.

По ту сторону двери было огромное поле, на котором под светом тусклого красного солнца выстроились, как на парад, множество киск; все они стояли неестественно неподвижно. В воздухе был слабый запах кошачьего лотка, и было довольно холодно, несмотря на ясный день. Уже позднее я подумал, что в этой сцене было что-то сумеречное: всё тусклое и холодное, окрашенное

солнечным светом в розовый цвет. Это сразу вызвало у меня меланхолию, вытеснившую мой страх и волнение; впрочем, я не уверен, что от этого мне стало легче.

Справа от меня было нечто вроде платформы, приподнятой над травой и украшенной большим количеством грязной и безвкусной золотистой фольги. А на том, что явно должно было изображать трон (а для моего опытного глаза выглядело скорее как отделанное искусственной кожей пассажирское сидение Форда Кортины 1974 года), восседал какой-то кото-босс. Может быть царь, учитывая его полностью металлическую голову, а может верховный жрец, судя по тому, что он распевал что-то, чего я не мог разобрать.

Посреди поля были построены шеренги армии кисок, а слева было нечто, показавшееся мне огромной кучей мусора. На ближайшем краю кучи я видел старые коляски и ржавые пружины, торчавшие среди дырявых шин и рваных матрасов, а чуть дальше были мини-горы поломанных автомобилей и выброшенных холодильников. Два с лишним десятка котов рылись среди этого мусора, вынимали и поднимали что-то, что я не мог разглядеть, а затем проносили это перед строем кошачьей армии и мимо распевającego Котобосса.

— И что это такое? — спросил я, махнув рукой в направлении кучи хлама.

Айрис мне когда-то сказала, что даже во времена суровых испытаний стоит проявлять интерес к тому, что

происходит вокруг. Вообще-то, в суровые времена это даже важнее, и я решил воспользоваться этим советом.

— Это «Неприятие Флосси Та Нумара Апельсин XIV», — прошипел мне ближайший кот. — Смотри на это и поражайся.

— Ясненько, — сказал я. — Так и сделаю. А почему оно так называется?

Кот отвёл взгляд и переминался с лапы на лапу:

— Никто толком не знает. Раньше, во времена моей бабушки, это называлось «большой кучей старого, но полезного барахла», но затем генерал Мэттьюз сказал, что это звучит недостаточно современно, поэтому с тех пор это называется «Неприятие». А теперь заткнись и топай!

Он ткнул меня своим металлическим штырём в самую набивочку, и мне не оставалось ничего другого, кроме как посеменить вперёд, к параду древнего мусора и помосту. Мне тяжело было двигаться с нужной скоростью, лапы у меня уже просто отваливались, но подойдя ближе я, по крайней мере, смог увидеть, что они там носят, и услышать, что говорил Котобосс.

— Узрите Скрытый Механизм! — ревел он, когда я уже был совсем рядом, но всё равно не понимал, о чём он.

Но зато я увидел, что в одной лапе Котобосс держит ручку переключения скоростей Айрис.

— Узрите Подобие Архи-Обманщика! — прокричал Котобосс.

Мимо него прошли четверо котов, которые несли за углы постамента подозрительно лёгкую мраморную

статую, в кучерявом лице которой я узнал бывшего приятеля и любовника Айрис (по её, старой потаскухи, утверждению).

— Узрите Ключ от Часомеханизма! — продолжал он, и в этот раз я вздрогнул от неожиданности: перед ним медленно прошёл послушник в сапфирно-изумрудной мантии. На подушке, которую он бережно держал в своих лапах, лежал залапанный кусок оргстекла, который я совсем недавно пытался подложить себе под голову.

Так вот, значит, как выглядел один из этих легендарных сегментов Ключа Часомеханизма? Я о них, разумеется, слышал (как не услышать, при нашем-то образе жизни?), но для меня всё равно было шоком увидеть его собственными глазами, не говоря уже о том, что всего лишь позавчера я проклинал его твёрдую и неподатливую природу. Как гласила легенда, если найти все шесть сегментов Ключа, а затем собрать из них идеальный куб, можно получить возможность раскрывать врата между вселенными. Айрис утверждала, что однажды какое-то сверхмогущественное существо отправило её на поиски всех шести частей, но когда она добывала последний кусок, возникли кое-какие проблемы, и кончилось это тем, что один из углов сегмента откололся, и в результате эту хрень больше нельзя было собрать.

Пока я обо всём этом думал, подушконосец поднёс сегмент Котобоссу, и началась следующая часть церемонии. Котобосс встал, держа в одной руке сегмент, а в другой ручку переключения скоростей, и медленно

повернулся вокруг своей оси, указывая ими на разное барахло. Следя за его рукой, я заметил, что много пропустил в этом параде; к примеру, кучу зелёных резиновых «шкур» из шкафа, а ещё огромную кучу дешёвых фанерных шкафов, целую гору мягких игрушек, и целый лес из старых сломанных пылесосов. Честно говоря, я несколько отвлёкся, рассматривая всю эту странную ерунду, и когда Котобосс прекратил орать, я это заметил не сразу. Представь себе мой шок, Том, когда я обернулся и увидел, что он указывает на меня!

— Ведите сюда медведя! — закричал он.

Не успел я ничего возразить, как охранявший меня кот сильно меня толкнул, и я растянулся на земле.

— Теперь смотри, маленький медведь, — прошептал мне на ухо мой охранник, опускаясь на колени.

— Куда смо... — у меня не было возможности закончить фразу, потому что Котобосс занёс ручку переключения скоростей над головой и с размаху ударил ею по сегменту Ключа.

Запомни на будущее, Том: если по одному из самых могущественных предметов во вселенной ударить ключевым компонентом навигационной системы машины времени, шарахнет так, что мало не покажется. Ещё громче, чем тот концерт группы «Мышь на Марсе», на который ты затащил меня в прошлом году.

Звук был настолько... *звучным*, что когда я увидел, что в воздухе над помостом возникла круглая дыра, я на секунду подумал, что это ударная волна. И лишь когда

сквозь эту дыру проломился знакомый автобус, женщина за рулём которого кричала: «...надо было грёбанный зонтик раскрыть...», я опознал в дыре червоточину в пространстве-времени и понял, что Айрис спешит на помощь!

Жаль только, что водитель из неё не ахти. Со скрипом тормозов, который мне так часто доводилось слышать, и с привычным стонущим скрежетом перегруженного механизма, Айрис и Автобус грубо врезались в землю, отломав кусок от помоста Котобосса, и помчались в массу абсолютно неподвижной кошачьей армии.

Ты же знаешь, Том, какой я чувствительный; я просто не переношу вида крови, поэтому прикрыл глаза, чтобы не видеть неизбежной бойни. Если бы я тогда мог рассуждать нормально, я бы удивился отсутствию воплей и тому, что единственными звуками были скрип тормозов и треск древесины, но справедливости ради замечу, что в тот момент я был близок к шоку. Я пролежал на земле с закрытыми глазами как минимум минуту или две. Я осмелился их приоткрыть лишь тогда, когда наступила полная тишина.

То, что открылось моему взору, было, мягко говоря, неожиданно.

Айрис выходила из Автобуса, поправляя на себе леопардовый жакет и надевая на голову шляпу.

Автобус был абсолютно невозмутим, как и всегда перед лицом любых неприятностей, в которые бы его ни вовлекала Айрис.

А вот кошачьи войска были в плачевном состоянии: разбитые, сломанные, разнесённые в клочья. Разбросанные Автобусом куски кошачьих воинов валялись по всему полю — то рука, то нога, то голова. И всё это было бы просто ужасно, если бы не оказалось, что все солдаты этой армии были не более чем грубо разрисованными фигурами из фанеры, а не настоящими существами.

И мне не стыдно признать, Том, что я тогда растерялся. Я повернулся к своему охраннику, чтобы сказать ему об этом, но не успел и рта раскрыть, как он схватил меня за шкурку и поднял меня вверх, что, на мой взгляд, унижительно для Панды моего происхождения.

— Поставь меня немедленно! — повелел я ему тоном мисс Броди¹⁰, но он и ухом не повёл, поэтому я переключился на Айрис.

— Айрис! — закричал я так громко, как только позволяли мне мои маленькие лёгкие. — Айрис!

Она, должно быть, услышала меня — обернулась в мою сторону и помахала рукой.

— Подожди минутку, дорогуша, — крикнула она мне и указала только что прикуренной сигаретой на разгромленный помост. — Вначале мне нужно поговорить с ним.

Как обычно.

¹⁰ Персонаж романа и кинофильма «Мисс Джин Броди в расцвете лет».

Несколько минут я так и висел, имея возможность лишь смотреть, как Айрис говорит с Котобоссом, и слушать тихое поскрипывание гидравлических суставов в металлической руке моего охранника. Все мои попытки завести с охранником беседу потерпели фиаско, несмотря на применение мною таких надёжных завязок для разговора, как затруднительное положение Грузинского Национального Балета и слабость джазовых альбомов Вестлайфа в его поздний период. Я уже было решил, что он любитель спорта, и собрался поинтересоваться его мнением о возмутительных нововведениях в требованиях к уздечкам в правилах о проведении международных соревнований по поло, как в моём ограниченном поле зрения появилась Айрис.

— Слышь, ты! — сказала она. — А ну поставь Панду!

Мой охранник вопросительно посмотрел на своё начальство, но Айрис явно не была настроена ждать.

— БЫСТРО! — почти проревела она (в этот момент я ею так гордился, Том, она была просто восхитительна), и меня тут же, словно по волшебству, отпустили, и я грохнулся на землю.

— Дай нам минуту, дорогуша, — сказала она коту и, взяв меня за лапу, отвела меня в сторону.

— Слушай, Панда, что за фигня тут происходит? Как тебе удалось сюда попасть? Ты вообще знаешь, где ты находишься?

Она сильно затянулась своей сигаретой и так предосудительно на меня смотрела, что я чуть было не расплакался.

— Нет, Айрис, не знаю, — скромно сказал я. — Я не знаю ни что происходит, ни где я нахожусь... Всего полчаса назад я даже не понимал, что говорят эти чёртовы коты. Я хотел попасть в Дарлингтон, — нескладно закончил я.

— Ты промахнулся, глупое животное.

Я сделал вид, что не услышал этого (ты и сам знаешь, Том, какой чёрствой иногда бывает Айрис) и спросил, где же мы тогда находимся, раз она такая умная. У меня, в конце концов, тоже есть гордость.

— Мы в конце всего, дорогуша. Эта кошатня находится в конце вселенной, эти ребята балансируют на грани времён. Оглянись вокруг.

Я снова медленно огляделся, и там, где в первый раз я увидел кучу космической ерунды и барахла, теперь я видел умирающую цивилизацию, пытающуюся хоть что-нибудь понять в окружавших её чудесах, которые её представителям никогда не было суждено воспроизвести. Это был запах не кошачьего лотка, как я сказал ради красного словца раньше, это был запах страха, страха перед концом всего и смертью всего, что имело значение. Красное солнце окрашивало верхушки массивного леса в багряный и чёрный, похоже на запекающуюся вокруг раны кровь, а налетающие временами порывы ветра несли сухие листья и песок пустыни.

Айрис положила руку мне на плечо и посмотрела на меня с таким состраданием и грустью, что мне показалось, что мы с ней абсолютно одни. Она поманила меня к себе и нагнулась ближе, чтобы прошептать на ухо.

— БУ-У! — крикнула она, и я упал от страха.

— Прости, не смогла себе отказать в этом, — засмеялась она, когда я сердито встал. — Но мы *действительно* в конце времён. Поэтому ты до недавнего времени и не мог понять, что они говорят — ты был слишком далеко от Автобуса. Эта планета вращается вокруг единственного во всей Вселенной всё ещё действующего солнца, но ему тоже уже недолго осталось. Год, максимум полтора. Так что остаткам кисомирян нужно срочно куда-то деваться, пока всё тазом не накрылось. И вот тут наступает твоя роль, глупый Панда.

Мне хотелось бы считать, что я всё схватываю на лету, но вынужден признать, что я не понимал, чем я могу им помочь. Я сказал об этом Айрис, но она лишь покачала легонько головой и подозвала Котобосса (который стоял в стороне от нас, с нетерпением ожидая чего-то).

— Проблема очевидна, не так ли? — сказал он, приближаясь к нам. — Мы, коты, не можем оставаться здесь, потому что погибнем, но это единственное место во всей Вселенной, в котором можно жить. Все остальные звёзды уже мертвы, а планеты превратились либо в облака пыли и пепла, либо в замёрзшие камни без воздуха. Поэтому, как это ни печально, нам пришлось похитить тебя и перенести сюда (воспользовавшись сегментом Ключа,

который вы, мисс Уайлдтайм, конечно же узнали), понимая, что ваша подруга прилетит сюда за вами.

Айрис подняла руку, чтобы Котобосс замолчал.

— Прежде чем вы скажете что-либо ещё: даже и не думайте, что я вас отвезу куда-нибудь в прошлое. Вы знаете всё, что когда-либо происходило. Это сделает вас слишком могущественными и опасными в любой части прошлого, — она вздохнула. — Извините, но я не знаю, куда я могу вас отвезти. Вас некуда девать, даже если бы я согласилась отвезти вас. Я понимаю, что вы действовали в интересах собственного народа, и уверена, что Панда не будет на вас обижаться. Но больше мы ничем вам помочь не можем, так что теперь мы уезжаем. Панда, идём?

Айрис протянула мне руку, словно не было ничего необычного в том, что мы стоим на последней планете во Вселенной, у самого конца времён, и беседуем с железноголовым котом о перемещениях во времени.

На мгновение показалось, что тактика Айрис «поболтать и умотать» сработала. Я протянул ей лапу, и она собралась взять меня на руки. Быстро, как молния, мой охранник (о котором я успел уже позабыть) схватил меня за другую лапу и после лихого взмаха в одной руке у него оказался я, а в другой — огромные ножницы.

— Хватит уже болтовни, безмозглая самовлюблённая старуха!

Голос Котобосса был на удивление глубоким и властным, и этого, к моему изумлению, было достаточно для того, чтобы Айрис замерла на месте. Не успела она

прийти в себя, как по сигналу Котобосса несколько котов, вооружённых мечами, ножами и металлическими прутьями, окружили её.

— А теперь молчи и слушай меня, а не то Франц порежет твоего маленького Панду на кусочки!

Скажу честно, Том: я чуть не обгадился, когда охранник взял мою лапку и положил её между лезвиями ножниц.

— Я слушаю, — холодно сказала Айрис.

— Ты сильно рискуешь, бросая нас, мисс Уайлдтайм. Тебе наплевать на наши мечты и надежды на будущее, ты хочешь оставить нас тут умирать, в то время как сами вы спасётесь в своём дурацком автобусе. Столетие, а то и больше, мы готовили этот момент, одну за одной обыскивали мёртвые планеты, заменяли наши умирающие тела пластиком и металлом, и всё это время искали работающую машину времени. И нам так и не удалось найти ни одной, за все сто лет поисков. Но мы нашли обломки автобуса.

Он поднял высоко над головой ручку скоростей и тряхнул ею, как копьём (при этом, как на мой взгляд, он стал слегка похож на психа). Окружавшие нас коты одобрительно крикнули, но не очень громко, без особого энтузиазма.

— *Твоего* автобуса, Айрис Уайлдтайм. Он находился на разрушенной автостоянке в остатках города Хисперо. Мы не смогли его завести, и вообще он казался таким же убитым, как и всё вокруг, но нам удалось отломать вот эту

болтавшуюся деталь двигателя. А совместно с Сегментом даже небольшая часть машины времени способна на очень интересные вещи. К примеру, можно стырить игрушечного медведя (*ИГРУШЕЧНОГО МЕДВЕДЯ!*) или раскрыть во времени червоточину, сквозь которую сюда может решить заглянуть некая шумная и безрассудная старая цыганка.

В этот момент я мог бы залюбоваться выражением лица Айрис, если бы не был так озабочен возможностью проведения остатка жизни в качестве Безногого Панды. Её обида на то, что её называли старой, смешалась с подозрением, что её хотят заставить сделать что-то нехорошее, и я чувствовал, что ещё немного, и её, как говорит Дженни, понесёт. Впрочем, Котобосс не дал ей и слова сказать.

— Посмотри вокруг, Айрис, — сказал он. — Это всё, что осталось от моего народа. Всего лишь дюжина из тех миллионов, которые когда-то обороняли нашу империю. Дюжина самцов, ни одной самки, и армия из раскрашенной фанеры, которая обманет только полного идиота. Мы ни для кого не угроза, Айрис. Отвези нас домой.

— Нет.

Я видел, что Айрис неприятно это говорить, но даже я понимал, что у неё не было выбора. Кто знает, до какой проказы додумаются кисомиряне со своим знанием будущего?

— Тогда твой друг пойдёт на лоскуты, Айрис. А потом мы убьём и тебя, и всё равно заберём автобус. Уверен, что

мы сумеем им воспользоваться. Ты действительно этого хочешь?

Айрис медленно вынула из кармана портсигар и закурила одну из её длинных чёрных сигарет (в чём-чём, а в классе ей не окажешь; это одна из причин, почему я с ней сошёлся, несмотря на её временами гадкое поведение).

— У меня есть предложение, — сказала она.

Айрис уже рассказывала мне об Обвёрсе. Об этой странной мини-вселенной, которая была загадочным образом скрыта внутри нашей вселенной, и из которой, по её теперешним словам, она изначально сюда и прибыла.

— Знаешь, что такое кораблик в бутылке? — спросила меня Айрис как-то раз, во время затянувшейся пьянки вскоре после дела со Страной Чудес, запрятанной под лондонским метро.

Что же, я не дурак, я понял, к чему она клонит.

— А! — радостно сказал я. — Значит, Обвёрс — это корабль, да?

— Не совсем, дорогуша, — сказала она. — Обвёрс — бутылка. Только представь себе, что эта бутылка стоит где-то на огромном пустом складе. Тогда огромный склад — это вселенная, в которой находимся мы, а торчащая посреди него бутылочка — Обвёрс.

— А что тогда представляет кораблик? — спросил я.

— Это... нечто совсем другое, — сказала она, пряча глаза. — Давай пока что остановимся на этом.

И вот мы ехали туда на автобусе, полном металлических кошек-убийц!

Айрис не пришлось их долго уговаривать. Имея в качестве альтернативы неизбежную смерть, они сами наперебой объясняли друг другу, какой замечательный у Айрис план.

— В Обвёрсе всё будет совсем иначе, — восторженно заметил один из котов, залезая в автобус. — Там мы будем знать не больше, чем остальные.

— У нас не будет космических кораблей, так что мы никуда оттуда не денемся, — сказал другой, и все с ним согласились.

— А там есть коты? — спросил один из них у Айрис.

Та вначале шикнула на него, но затем улыбнулась и тихо сказала:

— О, их там полно. И кошек тоже, — и снова начала пересчитывать присутствующих.

Котобосса (которого, как вдруг оказалось, звали генерал Мэттьюз) какое-то время не могли найти, но в конце концов обнаружили рядом с его разрушенным помостом, где он паковал в сумку какие-то вещи. Как только твой покорный слуга сопровождал его в Автобус, мы были готовы отправляться.

Айрис стояла в дверях кабины, явно намереваясь произнести одну из своих бессвязных, но воодушевляющих речей. Я с нетерпением предвкушал этот момент, потому что раньше ни разу не слышал, чтобы она закатывала речь на трезвую голову.

— Держитесь все за что-нибудь. В полёте нас может трясти.

Знаешь, *таким* спичем я был разочарован.

Она направилась к водительскому сидению, я пошёл за ней и смотрел, как она вынула из своей сумки Сегмент и с большой осторожностью щелкнула его рядом с исходной, ещё не повреждённой ручкой скоростей. Весь Автобус задрожал так, как никогда ещё при мне не дрожал. Воздух резко стал гораздо теплее, влажнее, и я чувствовал, как во внезапно отсыревшей атмосфере моя шёрстка слипается. Айрис завела двигатель и включила первую скорость.

Две вещи произошли одновременно.

Во-первых, Автобус бросился вперёд, чуть не заглох, а затем с оглушительным рёвом пронёсся в бурлящую дыру, возникшую в воздухе прямо перед ним. Безумно вращающаяся масса Вихря возникла за окнами автобуса, дрожа и переливаясь красным, как содержимое огромной банки фруктового йогурта.

А во-вторых, котобосс Мэттьюз достал из сумки свою ручку скоростей и, дико размахивая ею, чтобы не подпустить Айрис, схватил меня за шкуру.

Не успел никто ничего предпринять, как он высунул меня в окно, в смертельный Вихрь. Лишь раскинув все свои конечности я смог заклинить и остаться по эту сторону окна.

— Не верю я тебе, мисс Уайлдтайм, — прошипел он.
— С самого начала этого предприятия я говорил, что нам

не повезло в том, что единственным путешественником во времени, которого нам удалось найти, была печально известная Айрис Уайлдтайм, трансвременная пьяница и владычица недопитой бутылки джина, — он пожал плечами. — Тем не менее, кроме тебя у нас вариантов не было, и мы знали, что легко сможем заманить тебя сюда этим жалким существом.

Я понимал, что некоторые коты не были согласны с генералом; осторожно приоткрыв глаз, я увидел, что двое или трое из них пытались подойти к нему, но он их прогнал, размахивая ручкой скоростей.

— Так вот, — продолжал он, — этот панда — гарантия того, что ты сделаешь всё в точности так, как скажу я. Когда мы прибудем в эту твою вселенную, ты не отвезёшь нас на пустынную планету у чёрта на куличках, как мы договаривались, и не бросишь нас там выживать. Мы не желаем жить грязными пахарями в отсутствии женского общества и прочих радостей жизни. Нет! Вместо этого ты отвезёшь нас домой, на Кисомир, где мы сможем воссоединиться с такими же, как мы. Мы хранили чистоту своей крови миллионы лет, мисс Уайлдтайм! Единственные из всех рас Вселенной, мы сохранили совершенство нашей формы. Мы отказались портить это совершенство кровосмешением. Мы хранили веру, мисс Уайлдтайм, и пришло время награды за эту веру. Мы триумфально возвратимся домой и наберём настоящую армию, объединив военные силы наших братьев в Обвёрсе

с нашими знаниями и опытом. Волной кисо-силы мы сокрушим всех, кто станет на нашем пути!

Он начинал нести чушь (и почему я так много времени провожу в окружении людей, считающих, что нести чушь — допустимый способ ежедневного общения?) и сам, похоже, это понял, потому что внезапно замолчал, а затем продолжил более размеренно:

— Я правильно понимаю, что в этой вселенной тоже есть Кисомир?

Не сводя с него взгляда, Айрис кивнула:

— Да, есть там такая планета. Но не думаю, что вам стоит появляться там таким образом. И не думаю, что твои друзья вообще хотят куда-нибудь ехать вместе с тобой.

Один из котов — кажется, один из моих охранников на планете — заговорил.

— Это не по-нашему, генерал, — сказал он. — Мы не так договаривались. Вы сказали, что мы просто попросим о помощи.

Коты одобрительно забормотали. Генерал медленно повернулся, не сводя при этом взгляда с Айрис и не выпуская мою шею из своей лапы.

— Да ну? — сказал он и резко взмахнул ручкой скоростей.

Набалдашник рукоятки угодил коту прямо по лбу, и отбросил его в кабину водителя. Беспомощно размахивая лапами, кот разрезал металлическими когтями обивку на сидении Айрис, поцарапал приборную панель и основание

другой ручки скоростей. Грудой шерсти, крови и металла кот рухнул рядом с сидением Айрис и замер.

— Есть ещё возражения? Нет? Ну, что же. Вези нас на Кисомир, а не то я вышвырну твоего маленького друга!

Говоря это, генерал сильнее нажал на мою спину, и одна из моих лап соскочила с края окна. Мне пришлось изогнуться изо всех сил, чтобы не выпасть в Вихрь. Айрис двинулась было мне на помощь, но генерал махнул у неё перед лицом ручкой, и она, опустив плечи, вернулась на место водителя.

О, я тогда считал, что всё потеряно, Том. Меня генерал поймал, Айрис поставил в безвыходную ситуацию, а в безжалостности того, кто уже убил одного из своих, сомнений не было. Казалось, что никто из нас не может ничего поделать.

Мне не следовало терять веру.

Айрис нагнулась, чтобы убрать с дороги мёртвого кота, поднявшись, положила его тело на кушетку, а затем резко обернулась и ударила по металлической голове генерала другой ручкой переключения скоростей. С глухим стуком ручка скользнула по блестящему металлическому черепу, и генерал взмахнул своей ручкой, но Айрис успела отпрыгнуть назад.

Видел бы ты это, Том, это было восхитительно! Выпад, парирование, выдёргивание ковра из-под ног, попытка удара ногой в промежность, швыряние кастрюль, сковород и баночек, прыжок на стол (это был генерал, не Айрис) — в этой драке было *всё*. Генерал почти сразу

бросил меня на пол, и я залез на ту корзину для белья, в которой Айрис хранит свою церемониальную мантию — там было и безопаснее, и видно их сверху лучше было.

К этому времени обе ручки скоростей уже пульсировали странной энергией времени; когда они соударялись, с треском сыпались искры Блиновича. Айрис тяжело дышала, генерал атаковал её, ей пришлось упереться спиной в полку с грампластинкам. Он пытался её ударить, а она пыталась выпутать ноги из пальмовой циновки и валявшейся на полу шали.

У меня замерло сердце, когда генерал сделал Айрис подножку и замахнулся ручкой скоростей. Я напряг свои ножки и хотел было уже прыгнуть с корзины для белья на этого мерзавца, как вдруг остальные коты всей массой бросились на генерала и толкнули его так, что его подбросило в воздух.

Клянусь, следующая минута проходила в моём сознании словно в замедленной киносъёмке. Я вижу, как в воздухе блеснула металлическая голова пролетающего генерала. Одновременно я вижу, как на заднем плане Айрис упала на пластинки Тэмми Уайнетт, её волосы сбились прядями на лицо, рот слегка приоткрыт. Несущиеся коты медленно тормозят, буксуя, и падают кучей в передней части салона автобуса. А я протягиваю лапу и щёлкаю замком одного из окон. Того самого, в сторону которого беспомощно нёсся генерал.

На короткий миг показалось, что он может спастись. Двигаясь так медленно, что мне начало надоедать, генерал

протянул ручку скоростей, пытаясь зацепиться ею за руль автобуса. На мгновение это ему удаётся, и его глаза, к моему ужасу, повернулись в мою сторону (Том, отвечаю, у меня свело живот, как у Дженни после карри), а затем Вихрь задевает его ноги и вырывает его из окна в смертельную пустоту.

Он исчез в мгновение ока, и сразу же всё снова пошло с обычной скоростью.

Айрис, не теряя времени, встала и завела растрёпанные волосы за уши.

— Все живы? — быстро спросила она. — Панда? Ты цел?

Я кивнул и закрыл окно. Моё лицо было у самого Вихря, и мне чертовски хорошо было видно, как он исчезает, а вместо него возникает голубое небо, зелёная трава и (вот это мне было плохо видно, даже когда я лицом к стеклу прижимался) что-то вроде каменной стены.

— Это та планета, куда просил отвезти вас генерал, — сказала Айрис оставшимся кошкам. — Я была против, но теперь его нет. Возможно, вы всё-таки захотите здесь остаться.

Честно говоря, Том, я ожидал минуты тихой задумчивости, размышления о том, через что мы все (особенно я!) только что прошли, чтобы прийти в чувства. Что лишний раз подтверждает, что я плохо знаю кошек.

Эти чёртовы животные выбежали из Автобуса сразу, как только смогли открыть дверь, жалкие твари! Я видел их в окно, они бегали по зелёному газону и играли в салки

вокруг красивого мраморного фонтана, который я во время нашего прибытия принял за каменную стену.

Айрис стояла в дверях, и я выглянул наружу из-за её ноги.

— Нам нужно идти за ними? — спросил я.

Айрис покачала головой:

— Нет, пускай осваиваются, — сказала она. — У них всё будет в порядке. А вот нам с тобой надо поскорее убираться отсюда.

Она закрыла дверь и проверила замок.

— Идём, — сказала она, направляясь к сидению водителя. — Пора возвращаться в нашу Вселенную.

— А как же коты, Айрис? — сказал я, обиженный отсутствием соболезнований по поводу моих злоключений.

То есть, я конечно рад, что они выступили против своего жестокого лидера, но всё равно... Меня же похитили, в конце-то концов! Похитили, и даже посадили в тюрьму. Мало того, потом надо мной ещё издевались, меня оскорбляли, и чуть было не выкинули в смертельную интерстициональную пустоту, разделяющую вселенные.

Но Айрис, похоже, была настроена забыть обо всех обидах и просто позволить этим свиньям, которые меня обижали и чуть не убили, уйти безнаказанно. Вместо того чтобы придумать чудесный план справедливой расплаты, она аккуратно приподняла автобус в воздух и что-то тихо насвистывала.

— Что, этим котам сойдёт с рук всё то, что они натворили? — резко сказал я. — Айрис! Мы что, ничего не сделаем?

Сейчас, Том, когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что я никогда не видел Айрис такой сердитой, как в тот момент, когда она развернулась ко мне лицом.

— Они в другой вселенной, Панда. Абсолютно новый космос вдали от их дома. И они не смогут вернуться — ни сегодня, никогда. Они больше никогда не увидят свой дом, планету, на которой они выросли, единственную, которую они знали, — она широко улыбнулась и ткнула меня пальцем в живот. — А вот по тебе не скажешь, что ты сильно пострадал. Даже постройнел немного.

— Хм, — сказал я, ну или издал какой-то похожий звук.

Решительно настроиваясь так просто не сдаваться, я пошёл к заднему окну и выглянул в него.

Мы зависли примерно в пятнадцати метрах над землёй. Город (а это был город), возле которого мы приземлились, распростёрся передо мной своей довольно неинтересной структурой — сплошные прямые белые стены и длинные узкие улицы. Я видел, что коты уже исследуют лужайку, на которую мы приземлились, и гоняются друг за другом по траве, прыгая через фонтан.

А затем я увидел, что сбоку, по тёмным сторонам улиц приближаются тёмные фигуры, они окружают игривых кисок. Я не знал, нужно ли мне предупредить котов, я был позорно нерешителен даже тогда, когда понял,

что тёмные фигуры — это большие собаки, одетые в блестящие серебристые плащи.

— Огги, — прошептала сзади меня Айрис (как ты, наверняка, прекрасно помнишь, Том, она иногда так тихо подкрадывается!) — Кибернетически доработанные собаки, произошедшие от одичавших домашних собак. Невозможные милашки по отношению к тем, кого они считают животными. С тех пор, как несколько тысяч лет назад их хозяева улетели и бросили их, они ни одному человеку не разрешили приземлиться на этой планете, но рады любым другим бродягам и беспризорникам.

— Значит, здесь есть другие коты, как ты и говорила им? — спросил я.

— О да, полно. Войскам генерала тут хорошо будет. Поверь мне, Панда.

Она вздохнула и грустно покачала головой. Она выглядела такой старой, и это напугало меня гораздо сильнее, чем кошки.

— Странно это... я так близко к дому, — сказала она.

Она начала рассеянно щёлкать тумблерами и вращать ручки настройки, почти в случайном порядке, как мне казалось.

— Здесь опасно, — сказала она. — Часомеханизмы за всем следят и всё регистрируют, Панда, но для чужаков Обвёрс не безопасен. И сейчас я уже не уверена, сочтут ли тут меня за свою.

Она щёлкнула ногтём по Сегменту, а когда он загорелся, встала и встряхнулась, как собака, вылезшая из воды.

— Пора выпить джина, — сказала она. — Ты будешь, Пандуша? В шкафу есть тоник.

И ни капли спиртного

Стивен Уикэм

Перевод ssv310

«История о Панде-Ванде».

**Сказка для малышей,
написанная Пиатрис Писакой.**

Жил да был хороший чёрно-белый мишка. А звали его мистер Панда-Ванда. Он жил в чудесном тихом лесу, где кроме него больше никто не жил.

Кроме его лучшего друга, разумеется. Его лучшего друга звали Самуэль Змей. Он был змеей и жил на ветвях дерева над пещерой Панды-Ванды.

— Ну что, Панда-Ванда, — одним прекрасным утром сказал Самуэль Змей, — у тебя заканчиваются твои любимые бамбуковые побеги, очень скоро тебе нечего будет есть.

— О Боже! — сказал Панда-Ванда. — Что же мне делать?

Самуэль сказал:

— Придётся тебе пойти в лес и поискать новые побеги. Но не ходи в сад мистера Чи Ву Лина, он нехороший.

— О боже мой!

Панда подпрыгнул; от пронзительного голоса Айрис Уайлдтайм по его лежавшему телу прошла дрожь. Он заткнул свой потрёпанный томик любимых детских сказок под сиденье водителя, быстро взял в руки старый номер газеты «Таймс», сел прямо, и начал ждать, пока второй этаж автобуса подаст ещё какие-нибудь признаки жизни.

Чуть ранее, Айрис решила, что ей нужно немножко «отдохнуть». Она ушла на второй этаж с бутылкой джина «Bombay Sapphire», крикнув из-под своей любимой чудовищной шляпы с перьями:

— Меня не беспокоить. Я буду красить ногти и расслабляться. Кто бы ни пришёл, что бы ни случилось — меня нет дома. Понял?

— О да, Айрис, я всё понял. Пока ты там будешь наряжаться, прихорашиваться и, несомненно, закладывать за воротник, я тоже немного займусь собой. Приятно тебе провести время!

Властно махнув рукой, он улыбнулся, насколько могут улыбаться панды, направился в кабину автобуса и задвинул за собой бежевую шторку, скрывавшую кабину от посторонних взглядов. Своим коготком он включил

стереосистему, и заиграла очень приятная музыка — «Сборник лучшего Барри Манилоу»¹¹. Его любимая.

Атмосфера была просто идеальная. Панда достал из-под сиденья свою любимую книгу на трудный день. Лёгкий взгляд на жизнь вымышленной панды, который всегда поднимал ему настроение. Его это успокаивало, счастливая (в целом) жизнь его героя всегда скрашивала его худшие дни.

Не успел он прочесть и одну страницу, как сверху донёсся скрипучий вопль Айрис:

— О боже мой! Панда... Панда! Это катастрофа... О БОЖЕ МОЙ!

Зная, что проигнорировав крики своей спутницы он добьётся лишь ссор, упрёков, и слёз, Панда закатил глаза, встал, и потопал в проход, к лестнице на второй этаж.

— Что там у тебя стряслось?

По лестнице спускались леопардовые тапочки, безутешное лицо Айрис появилось чуть позже.

— Что ты натворила? Покрасила ногти не тем оттенком чёрного? — Панда ждал, сложив руки на груди.

— Всё гораздо хуже, — всхлипнула она, глотая слёзы; её нижняя губа слегка дрожала. — Я только что допила последнюю бутылку джина.

¹¹ Барри Манилоу (англ. Barry Manilow; наст. имя Барри Алан Пинкус; род. 17 июня 1943) — американский эстрадный певец.

Дрожа всем телом, она села на нижнюю ступеньку, перевернула бутылку и сжала её горлышко, словно пытаясь выжать последнюю каплю драгоценной жидкости.

— Ох, Айрис, — вздохнул Панда, слегка улыбаясь. — У наших ног целая вселенная, миры, которые можно изучать, спасать или опустошать, а ты расстроена тем, что допила неизвестно какую по счёту бутылку бухла? А это что ещё? — он склонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то неожиданному.

С губ Айрис сорвался обиженный вопль:

— Но сегодня же воскресенье, где мне купить джин в воскресенье? Все магазины закрыты!

— Тсс, — прижав к губам коготь, Панда прошёл вперёд и указал на оранжевый огонёк на приборной панели автобуса, который прерывисто мигал в сопровождении неприятного писка. — Слушай, слушай. Ты слышишь?

— Что слышу? — Айрис утерла рукавом мокрый нос и посмотрела на Панду с лёгким оттенком презрения. — Сдерживаемые вопли Носатого?

— Нет... этот писк. Это сигнал бедствия!

Автобус со скрипом затормозил, разбрасывая в стороны гравий. Панда твёрдо держал ногу на педали тормоза, безмолвно произнося благодарственную молитву.

Спустившись на землю, Панда и шмыгающая носом Айрис попытались осмотреться. Ночь была тёмная, на небе был сверкающий полог из ярких звёзд.

— И где же мы?

— Откуда мне знать? — иногда Панда удивлялся, как эта женщина вообще с чем-то справляется; её некомпетентность была просто поразительной. — У тебя фонарь с собой?

Порывшись во вместительных карманах своего пальто, Айрис вынула небольшой серебристый цилиндр.

— Держи, дорогуша. О, и сканер сигналов... его можешь тоже забрать.

— Спасибо.

Мощный луч фонаря осветил величественный замок с готическими башнями, контрфорсами, горгульями, и большой гостеприимной табличкой:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ВИНОКУРНЮ

«ГЛЕН ГОРБАЛС».

*Здесь делают лучшие в Шотландии
виски, джин, и ликёры.*

Айрис схватила панду за руку, и он поморщился оттого, что в него впились её только что покрашенные ногти.

— Знаешь, Панда, я никогда не была религиозной, но иногда мне кажется, что Бог всё-таки есть... и он один из тех, кто любит пьянки...

Оставив своего спутника стоять, Айрис подтянула юбку и пошла вокруг грандиозного здания, хрустя гравием, которым была посыпана дорожка. Панда направил луч фонаря на удаляющуюся спину Айрис. В его лапе тихо гудел сканер сигналов. У него не было другого выбора, кроме как идти за ней.

Несмотря на то, что она всегда выбирала обувь, которую Панда считал исключительно неподходящей, Айрис умела ходить удивительно быстро. Когда он свернул за угол замка, пьяной авантюристки уже и след простыл.

— И куда она делась? — Панда посветил по сторонам, и луч выхватил из темноты большую дверь в стене, слегка приоткрытую. — Судя по всему, туда.

Когда он подходил к двери, по его шкурке пробежала волна, шерстинки встали дыбом и задрожали на ночном ветерке.

— О боже.

Знак на двери гласил: «Винокурня. Посторонним вход запрещён». Это могло означать лишь одно: там алкоголь. В больших количествах.

Он осторожно толкнул дверь лапой и направил вовнутрь луч фонаря, мысленно отметив, что вибрация сканера сигналов усилилась. Сжав прибор крепче, он вошёл и огляделся.

Айрис не видно и не слышно, что было очень странно. Он удивлённо ахнул, увидев, что находится перед ним: огромный просторный проход, по бокам которого стояли гигантские дубовые бочки, каждая высотой метров шесть, с латунными обручами, и с лестницами, по которым можно было залезть наверх. В воздухе висел дурманящий аромат настаивающегося и бродившего алкоголя. Он наполнял его ноздри и мгновенно придал его походке лёгкую неуверенность, его зрение стало слегка нечётким. Из-за запаха на него нахлынул поток воспоминаний о том случае,

когда они вдвоём страдали от похмелья после того, как напились Миноранского Сока Червей.

От внезапно зазвучавшего знакомого голоса он вздрогнул. Айрис вышла из промежутка между двумя бочками, разводя руки, словно в молитве.

— Смотри, Панда... разве это не прекрасно? Я за свою жизнь много чего повидала, но с этим ничто не сравнится. У меня такое чувство, словно кто-то засунул руку в мою грудную клетку и сжал мои сердца, заставляя их биться чаще.

Отсутствие реакции на лице Панды словно придало Айрис сил, она закружилась вокруг своей оси, её голос стал громче и эмоциональнее.

— Это храм! Храм, посвящённый одной из величайших радостей жизни. Алкоголь... Это чудесное органическое горючее вещество, получаемое ферментацией сахаров, крахмалов, и насыщенных углеводов. Выпивка. Спиртное. Бухло. Выпивон. Огненная вода. Зелёный Змий. Жидкая Смелость. Можешь называть его как хочешь, мой чёрно-белый друг. Это единственное, что может придать заурядному существованию невероятную ясность. Вселенная всегда блистает, если смотреть на неё сквозь бутылку джина.

Панда стоял неподвижно, он был поражён. Айрис никогда не была склонна к дифирамбам, она предпочитала словам быстрые, решительные действия. Но что-то словно вдохновило её на возвышенный стиль. Быть может, эти всепроникающие ароматы повлияли и на её голову, —

подумал он. Было в ней кое-что великолепное. Они пробыли вместе так долго, а она до сих пор могла его удивить.

— Айрис... Я даже не знаю, что и сказать.

— Не говори ничего, Панда. Просто стой и слушай. Раскрой свои мохнатые уши и слушай, как звучит алкоголь в своей исходной форме. Капание, бульканье, и журчание производства виски, джина, водки, и эля. И всё это мне!

— Эмм... Что ты сказала?

— «И всё это мне». Я возвращаюсь в автобус. Я найду там какой-нибудь гаджет, который поможет мне перенести как можно больше этого сказочного вещества. Я несколько недель буду жить как в раю!

Она быстро развернулась, и только перья и леопардовый узор мелькнули в воздухе, когда она помчалась к двери. Не успел Панда поднять лапу, чтобы остановить её, как она уже исчезла.

Панда вздохнул так громко, что по помещению пошло эхо.

— Было ли когда-нибудь время, когда я так часто не вздыхал? — риторически спросил он.

Никто ему не ответил.

Гул сканера сигналов становился всё настойчивее, и Панда посмотрел на показания этого маленького металлического прибора. Пора вернуться к насущным вопросам. Кто-то попал в беду и нуждался в их помощи. Если Айрис не собирается ничем помогать, то поможет он.

— Э-эй? — нерешительно позвал Панда.

Сканер задрожал. Он был на правильном пути. Чем бы ни было то, что послало сигнал, оно было где-то рядом. Надеюсь, что это не окажется какой-нибудь свирепый десятиногий монстр, питающийся плюшевыми мишками, Панда медленно пошёл по центральному проходу. Бочки с алкоголем отбрасывали на сводчатый потолок большие тени.

— Ну же... будь храбрым мальчиком, — сказал сам себе Панда. — И прекрати сам с собой разговаривать!

Минуты через две или три он дошёл до дальней стены помещения, и к этому времени сканер уверенно издавал повторяющиеся звуки. Значит, он очень близок к источнику сигнала. Но почему его так тяжело найти? Опыт подсказывал Панде, что большинство потерпевших крушение существ, ещё способных послать в космос сигнал бедствия, обычно хотят, чтобы их нашли и спасли. Они обычно не таятся в темноте, не играют в прятки. Разве что им нравилось играть в такие игры, и они выжидали подходящий момент, чтобы выпрыгнуть и сожрать проходящего мимо отзывчивого чёрно-белого тибетского *Ailuropoda melanoleuca*¹².

— Э-эй?.. Слушайте, я пришёл вас спасти. Я хороший, весёлый, безобидный Панда. Если я могу вам чем-нибудь помочь, я обязательно помогу.

Тишина. Он попробовал ещё раз:

¹² Больша́я па́нда, или бамбу́ковый медве́дь (лат. *Ailuropoda melanoleuca*)

— Мы получили ваш сигнал бедствия. Вы ранены? Э-эй?

Ничего. Лишь постоянные постанывания и капание в огромных бочках.

От громкого стука двери он дёрнулся и выронил фонарь. Свет погас, и он остался стоять в полумраке: маленькая, нервозная, одинокая фигурка. Слава богу, что вторая лапа продолжала крепко держать сканер. Посмотрев в сторону входной двери, он увидел идущую к нему, шатаясь, Айрис, нёсшую странный набор инструментов и приборов. Её большая шляпа сползла ей на глаза.

— ПАНДА!!! — раздался её пронзительный голос.

— Тсс, — он приложил палец к губам и быстро пошёл к ней навстречу. — Нужно вести себя как можно тише. Мы не хотим разбудить тех, кто тут живёт, и уж тем более не хотим напугать потерпевшего крушение инопланетянина.

Айрис подняла взгляд, в её глазах был почти фанатичный блеск.

— Как скажешь, дорогуша, — и с оглушительным грохотом она бросила груду инструментов на каменный пол, стала на колени, и начала рыться в куче, бормоча себе что-то под нос.

Панда закатил глаза и присел рядом с ней.

— А нельзя ли попытаться действовать чуть-чуть... незаметнее, Айрис? Если хозяева нас услышат, они нас выставят отсюда, а скорее даже вызовут полицию, и мы окажемся за решёткой, и ты проведёшь несколько дней без стимуляторов.

Ахнув, словно она узнала нечто, имеющее государственное значение, Айрис посмотрела в большие круглые глаза компаньона.

— Ты прав, Панда. Я об этом не подумала. Должно быть, отсутствие выпивки плохо влияет на мой мозг. Давай *тихонечко* пороемся в инструментах, мне нужен *тихий* модуль пространственного смещения. Но действовать будем *тихо*.

— А что ты пытаешься сделать?

Широко улыбнувшись, сверкая глазами из-под перьев своей шляпы, Айрис наклонилась к Панде и по-заговорщицки прошептала:

— Я хочу сделать мини-ТАРДИС. Вот, видишь? — она вынула из кармана небольшую пластиковую бутылку, уже обвешанную проводами и микросхемами. — Если я сделаю её больше изнутри, я смогу залить в неё всё, что тут есть!

В том, что она сказала, была своя странная логика, но Панда вздохнул — уже в сотый раз после посадки — потому что знал, что ничего не выйдет. За всё время их знакомства с Айрис, она ни разу не проявила способности сделать что-то собственными руками. Однажды у неё были проблемы со сменой насадок на фене, и он даже сейчас покраснел, вспомнив те слова, которые разносились тогда по всему автобусу.

Он полез в переполненный ящик с инструментами и начал изучать его содержимое.

— И что у тебя тут есть?

— Да всякие полезные штучки, которые могут пригодиться транс-временному путешественнику. Ой, — выронив отвёртку, она зажала большой палец во рту, и с трудом удержалось от того, чтобы громко выругаться.

— Тарированный гаечный ключ. Открывалка для бутылок. Свеча зажигания. Три батарейки ААА. Мягкая игрушка...

Айрис глубоко задумалась и не реагировала на его слова. Панда снова полез в ящик.

— Сверло. Реверсаломер нейтронного потока. Увеличительное стекло. Зажигалка. Чайная ложка. Ага! — сидя на корточках, он с довольным видом держал в руках довольно потрепанную книгу в мягкой обложке. — «Справочник инопланетных сигналов бедствия». Вот так предусмотрительность! Ты только посмотри на это, Айрис. Айрис?

У путешественницы во времени было весьма странное выражение лица: глубоко задумавшись, она высунула язык и водила им из стороны в сторону.

— Хм?

— Это нам очень пригодится. Мы можем узнать, с кем именно мы имеем дело. Я ненадолго отойду.

Панда встал и направился к стоявшему у стены пустому ящику из-под бутылок. Усевшись на ящик, он щёлкнул найденной среди инструментов зажигалкой и раскрыл книгу на первой странице.

— Амебоиды... Анимус... Атлантические рыбо-люди... Аксо... Минуточку, а это что?

Он не сразу осознал весь смысл того, что прочёл. Затем до него дошла вся ужасная правда и не менее ужасные возможные её последствия.

— А... Айрис! Мне кажется, что тебе нужно взглянуть на это. Айрис? — он посмотрел туда, где недавно сидела она. Кроме груды электронных запчастей там ничего и никого не было. — О боже, и куда она опять делась? Айрис?..

Выронив книгу и зажигалку, но продолжая держать сканер сигналов, Панда пошёл вокруг ближайшей к нему бочки, приглушённым голосом зывая:

— Айрис... Святого ради, ну где же ты? Нам нужно поговорить... пока ты не сделала ничего такого, о чём потом будешь сожалеть. Я серьёзно. Где ты?

За время его длительных и, как правило, плодотворных отношений с Айрис Уалдтайм, бывали случаи, когда Панда смеялся. Иногда он смеялся много. Иногда он смеялся до тех пор, пока из его носа не начинало лезть что-то нехорошее. Бывали случаи, когда он сердился, терял самообладание, однажды он даже выругался в лицо Айрис. Бывали случаи, когда он был просто в шоке от её слов и действий. Бывали случаи, когда он восторгался её храбростью и тем, как она находила выход из некоторых невыразимо опасных ситуаций. Бывали случаи, когда они садились рядом, рука об руку, она с большим коктейлем, он с вкусными побегами бамбука, и вместе глазели на чудеса открывшегося перед ними инопланетного пейзажа, умопомрачительных закатов, казавшихся бесконечными

гор, странных существ, кружившихся в воздухе, мириадом великолепных планетоидов и падающих звёзд. А бывали случаи, когда он сдавался. Когда не оставалось ничего другого, кроме как ждать и смотреть, что же она ещё вытворит. И это был как раз такой случай.

Его размышления прервал металлический скрежет. Он звучал где-то рядом. Обойдя вокруг бочки, Панда увидел Айрис с гаджетом в руке. Она подтянула юбку и аккуратно полезла вверх по лестнице, к вершине одной из бочек.

— О боже, я же боюсь высоты, — мрачно проворчал Панда и, тяжело дыша, полез следом за ней.

По пути наверх он с мрачными предчувствиями обратил внимание на латунную табличку на боку бочки.

«ЛУЧШИЙ ДЖИН»

Вокруг вершин всех бочек были узкие мостики, а на этом мостике стоял странный агрегат, с виду напоминавший смесь часов и термометра. Рядом была ещё одна лестница, которая вела вниз, в бочку, где чуть ниже верхнего края поблёскивал драгоценный нектар.

— Отлично. Как же мне это сделать? — Айрис разговаривала сама с собой, опустившись на колени возле лестницы, спускающейся в бочку. Она держалась за верхнюю ступень и неуверенно наклонялась вперёд, держа в вытянутой руке пластиковую бутылку.

Немного пыхтя, Панда долез до вершины лестницы, давая себе слово, что будет чаще делать зарядку, а не читать весь день журналы.

— Осторожно, Айрис. Ты можешь свалиться в...

— А, вот и ты, Панда, старый дружище! Не стой там, помоги мне.

Почувствовав опасность, Панда скрипнул зубами, но всё-таки продолжил:

— И чем мне тебе помочь?

— Держи меня покрепче за ноги и не отпускай, пока я не скажу. Я просто хочу... достать... а-а-а!

Громкий плюх эхом разнёсся по всему помещению. Удивляясь тому, зачем Айрис нагнулась вперёд до того, как он смог взять её за ноги, Панда заглянул в бочку.

— Ты как там? За лестницу можешь схватиться? Айрис?

Можно было не переживать. Айрис была в своей стихии. Широко раскрыв глаза от удивления и отвращения, Панда наблюдал, как она наслаждалась своим сольным вариантом выступления по синхронному плаванию: рукой назад, ногой вперёд, и одновременно глотая прозрачную жидкость, временами восторженно вскрикивая от наслаждения:

— У-и-и-и-и-и!

— Айрис, вылезай немедленно. Я должен тебе что-то сказать... Айрис!

Экстравагантно откинувшись на спину, Айрис вынырнула из жидкости и выпустила изо рта роскошный фонтан.

— Панда, смотри: я русалка! Я Эстер Уильямс¹³ ... нет, я Дункан Гудхью¹⁴ ... Нет, у меня волос больше, чем у него... Я Моби Дик! — сделав большой глоток, она снова исчезла.

— У меня плохое предчувствие, — громко сказал Панда, хотя услышать это было некому.

Это определённно был один из тех случаев, когда ему придётся просто ждать Айрис. Но как долго это будет продолжаться? Пять минут? Пять часов? Кто знает... Он посмотрел на сканер сигналов, который начал дрожать по-новому, странно и нестройно, совсем не так, как гудел до этого.

Панда нагнулся через край бочки, чтобы крикнуть ещё раз, но тут из бочки выглянула промокшая фигура. Схватившись за верх лестницы и неуверенно вылезая на платформу, промокшая и в стельку пьяная Айрис держала в руках маленькую синюю пластиковую бутылку. Она раскрыла рот и попыталась издать связные звуки, но у неё ничего не вышло.

— Б... бутылка... ТАРДиш... ха-ха! Получилось... Набрала джину... Бинго! Бинго... динго... линго...

¹³ Американская пловчиха, актриса и сценарист, звезда «водного мюзикла» 1940-х и 1950-х годов, получившая прозвище «Американская Русалка» и «Русалка Голливуда».

¹⁴ Британский пловец, завоевавший на Олимпиаде 1980 года в Москве золотую медаль.

— Айрис, у тебя уже язык заплетается. Думаю, нам будет лучше уйти.

Заглянув в уже пустую бочку, Панда не смог сдержать улыбку. От безрассудства и смелости этой женщины у него захватывало дух. Не осталось ни единой капельки джина, лишь украшенная перьями шляпа Айрис, похожая на утонувшую райскую птицу, лежала на дне бочки.

Взяв аккуратно в зубы сканер сигналов, он забросил её бесчувственное тело себе на плечо и начал осторожно спускаться.

— Вот, держи. Чёрный кофе. Попробуй выпить немного.

Панда держал кружку у губ Айрис и с беспокойством смотрел, как она глотает горячую жидкость. Они были снова в автобусе, двери были заперты, пульт управления включен, и если бы не пустая бочка из-под джина и не тормозной путь на асфальте, никто не мог бы и заподозрить, что они побывали на винокурне. Волшебная размерно-трансцендентная бутылка лежала на сидении рядом с Айрис.

— Спасибо, Панда. Иногда я просто не знаю, что бы я без тебя делала, — Айрис болезненно улыбнулась и смахнула с лица прядь слипшихся волос.

— Я тоже не знаю, — хихикнул Панда. — Тебе уже лучше?

— Да... немного. Кажется, я впервые в жизни позволила себе слишком много.

— Неужели такое возможно?

Сухо ухмыльнувшись, Айрис поставила кружку.

— Выходит, что да. Мне кажется, что я немного обезумела, когда увидела, что закончился джин, и, наверное, я слишком остро прореагировала.

Панда засмеялся:

— «Слишком остро прореагировала» — это о-очень мягко сказано.

Айрис смущённо посмотрела на своего пушистого друга, немного стыдясь того, что она сделала.

— Ещё кофе?

— Не сейчас, Панда, — Айрис передёрнулась и потуже обернулась одеялом. — Я хотела тебя о чём-то спросить, а теперь не могу вспомнить о чём. Кажется, что-то об инопланетянах?

Приподняв одну бровь, Панда сел напротив Айрис и взял её за руку.

— Да. Нам с тобой нужно кое о чём поговорить. Ты помнишь, почему мы вообще оказались возле винокурни?

— Нет... не помню.

— Что же... Мы явились туда на сигнал бедствия. Кто-то или что-то было в беде, и мы отправились на помощь. Так вот, пока ты была занята своим агрегатом, я тоже не терял времени. Я выяснял, кто или что там потерпело аварию. Пока я ходил вокруг, там были признаки сигнала, но его трудно было локализовать, а после того, как я вынул тебя из бочки, сигнал изменился.

Айрис глотнула ещё кофе:

— Продолжай... И что же это было?

— Вообще-то, довольно странная форма жизни. Крохотное жидкое существо под названием «акваформа», очень разумное и очень сильный телепат. У него, должно быть, были проблемы, и оно устремилось в винокурню, чтобы там спрятаться. А потом явились мы.

— И я полезла в ту же бочку, где было это странное аква-существо? А что, если бы оно попыталось меня убить?!

Панда снова приподнял бровь и отпустил её руку.

— Всё немного сложнее. Я полагаю, что оно пользуется своими телепатическими возможностями для того, чтобы кого-то заманивать, а так как неподалёку были мы, оно настроилось на тебя. То, что тебе нужен был джин, упрощало его задачу, делая телепатическую связь более сильной, чем обычно. Но...

Айрис выглядела озадаченной; она сидела на самом краю сидения.

— Но что?..

— Я подумал, что после того, как ты осушила всю бочку, оно окажется в синей бутылке. Но сканирование показало, что его там нет.

— И?..

— И... мы вынуждены предположить, что ты его проглотила, когда резвилась в бочке.

Айрис застонала:

— Я его проглотила? Но... Что если?.. То есть... Что же мне теперь делать?

Панда понял, что наступает один из тех случаев, когда он не сможет не рассмеяться. Смеяться до тех пор, пока из носа не ползет что-то нехорошее.

— Придётся тебе просто подождать, пока природа, как обычно, не возьмёт своё. Только не забудь, что смывать после этого не надо.